

БЕЗ ЗВЁЗДНАЯ ПЫЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПАРХОМ ГЫПОП

Пархом Гыпопо

БезЗвёздная Пыль

<https://litres.ru/74281018>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир придумал не я. Мир придумал Прокофьев. Я в нём просто поселился — без спроса, но с уважением. Если хотите знать, откуда ноги растут, — читайте «Звёздную Кровь». Там корни. Здесь — то, что выросло само, когда никто не поливал.

Беззвёздная пыль — это буквально. Наверху — небо, в котором звёзд больше нет. Или есть, но они забыли, зачем светить. Внизу — грязь, руки, работа и жизнь на ощупь.

Ковчег — поселение на краю. Частокол, дым, люди. Здесь всё происходит медленно. Мир не спешит, и люди научились не спешить вместе с ним. Они работают, курят, дерутся, любят. Иногда — в таком порядке. Иногда — в обратном. Философию никто гвоздями не вбивает. Она сама торчит из каждой доски, как ржавый шуруп, о который вечно кто-нибудь цепляется рукавом.

Это не роман. Это скорее эхо. Когда закрыл чужую книгу, но мир никуда не делся, и ты продолжаешь в нём ходить — тихо, своими ногами, по чужой пыли.

А дальше — будет видно. Или не будет. Звёзд-то нет.

Содержание

1.	4
2	10
3	43
4	67
5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Пархом Гыпопо

БезЗвёздная Пыль

1.

Беззвёздная Пыль.

Вместо предисловия.

Мир — Прокофьева. «Звёздная Кровь». Логичный, живой, красиво собранный. Достойный того, чтобы в нём пожить подольше.

История — моя. Персонажи живут, ошибаются, курят, шатаются и не собираются быть героями. Их об этом не просили, и они бы отказались.

Жанр — социальная фантастика. Стил — обрывочный, резкий, как мысли, которые не успели причесать.

Тут есть голые тела, не очень голые души и кое-что, от чего самому неловко при перечитывании. Значит — попал куда надо.

Персонажи, как водится, ожили и начали хозяйничать. Автор сопротивлялся. Автор проиграл.

Местами — тяжело. Местами — с хохотом. Иногда одновременно. Углы не заточены. Эмоции не сглажены. Фразы

короткие. Некоторые — как выстрел. Некоторые — как промах. Но ствол не дрожал.

Если откликнется — значит, не зря.

Сначала была Пыль.

Потом — визг. Потом — топот. Потом — цезарь.

Птенец — ещё совсем молодой, с хохолком, торчавшим на макушке пучком перьев, в которых путалась вся радуга. Метр с небольшим росту, ноги работали с частотой швейной машинки. Клюв короткий, когти — ещё не насмерть, но проверять не хотелось. Мелькал в пыли, как живое пламя.

За ним — Дрюня. Он же Прик, но так его называли только взрослые и только когда серьёзно. Сейчас он был Дрюня.

Синтетик выбежал первым: широкий шаг, лёгкий кибер-наклон вперёд, руки пустые, но уже считающие траекторию. Он не торопился. Он знал — цезарь устанет. Детвора — никогда.

— Дрюююня! Лови его! — взвизгнуло откуда-то сзади, и по дороге полетели тапки.

За Приком неслась орава: босые, в сапогах на два размера больше, в шортах, в платьях, один — в трусах с нарисованным драконом. Дракон на трусах выглядел испуганным. Возможно, не без причины.

Патрик, светловолосый носатик с палкой в руке, летел первым, дыша как паровоз, который опаздывает на собственное расписание.

Бусинка с двумя торчащими косичками — чуть позади. У неё шатался передний зуб. Зуб мешал бежать, мешал орать и мешал жить, но выпадать не собирался — из принципа.

— Цезарь наш! Я первая схвачу!

Кто-то падал, кто-то поднимался, кто-то хватал чужую руку, кто-то пинал в бок. Пыль взлетала, висела в воздухе и медленно оседала на место, которое дети уже покинули.

Справа — старые ангары, где чинят машины. Когда пронесли мимо, оттуда с резким жужжанием взмыл дрон разведки — тёмно-серый, с тонкими крыльями и синим огоньком на брюхе. Он сделал оборот над головами и ушёл вверх, как будто ему стало стыдно за компанию.

Бусинка замерла. Задрала голову. Косички встали горизонтально. Дрон уже был точкой в небе, но она всё ещё смотрела — туда, где он исчез, где пыли нет и всё летает.

Потом вспомнила, что бежит. И побежала.

Мимо — сушилки с мяс-грибами, какие-то короба, стена, обмотанная лозой, которая давно перестала быть декоративной и стала несущей конструкцией.

Из-за контейнера выглянула тётка в фартуке:

— Да чтоб вас, хвостатых чертей!..

Но дети были уже мимо. Тётка осталась ругаться с пылью.

Цезарь подскочил на повороте, заложил вираж боком — с достоинством гонщика, которому плевать на правила, — и влетел в узкий проход между сараями. Там его ждал Дрюня.

— Обнаружено. Перехват, — коротко бросил он на глобише.

Перехват не удался. Птенец юркнул под перевёрнутую тачку и выскочил с другой стороны, оставив после себя толь-

ко перо и чувство профессионального унижения.

— ДААААА!!! — заорал Патрик, ныряя следом.

Бусинка, отстав, вдохнула поглубже. Зуб качнулся, но устоял.

— Паааатрик! Подожди! — и бросилась вперёд, перемахнув через ящик, который не ожидал такого к себе отношения.

— Берегись клюва! Он щиплется! — добавила она уже на лету, с хохотом, которому зуб всё-таки мешал.

А дальше — снова дорога, снова жара, снова визг. Кто-то закашлялся от пыли, кто-то орал, что потерял тапок, кто-то пел:

— Цезарь-цезарь, клюй как хочешь, мы тебя на суп погоним!

Тапок, к слову, так и не нашёлся. Он лежал у дороги, одинокий и тёплый, и ждал хозяина с терпением, на которое способна только обувь.

Сол Мария.

Горячая вода — по часам.

Как месячные. Только не мои. Чужие. Случайные. Внезапные.

И вот стою, как дура, в полотенце, считываю расписание с трубы. Всё, как всегда — не по мне.

Выходишь на улицу — и сразу в лицо: жара, пыль, копчёная рыба. Доброе утро, Единство.

Утром всё звучит громче. Каблуки, шаги, чужие мысли.

Идти по этой дороге — как по минному полю. Только вместо мин — грязь, пыль, и взгляды.

Местные тётки смотрят с прищуром. Не любят.

Я знаю, за что. У них всё утянуто, сведено, как узел. А я — мягкая. Женская. Фигуристая. Видно, что тело живёт.

Форма на мне старая, военная. Когда-то была утилитарной. Теперь — просто носится. Подогнала под себя. Сколько можно прятаться? Пусть глазеют. Глаза не выколю.

Когда иду, слышу, как натягивается по швам. Не потому что мала — просто я настоящая. Живая.

Лучи ещё низко. Свет скользит по пыли, как по коже.

Тени — длинные, как обиды.

Иду в бар. Он без названия. Я зову его «Может Быть».

Может быть — станет лучше. Может быть — не я сегодня нарежу десятую бадью корнеплода. Может быть — просто будет тише.

Сзади — визг. Звонкий. Знакомый.

Не оборачиваюсь. Уже знаю.

Цезарь. Птенец. Пёстрый, бешеный. Прыгает, как угорелый.

За ним — дети. Их толпа. Кто босиком, кто в шортах, кто в тапках. И, конечно, Дрюня.

Как ледокол — вперёд, сквозь пыль и хохот.

Меня обдало с ног до головы.

Я только выдохнула. Отряхнулась.

— Ну, ураган прошёл. Без разрушений.

Хотя кто знает.

Иду дальше. Пыль ещё висит в воздухе. Световые блики плавают, как рыбы в мутной воде.

Смотрю вверх. Днём он невидим. Но ночью — он там.

Звёздный Трон. Висит, как ком в небе.

Светящееся кольцо.

Местные говорят — божество. Или страж. Или дух.

Рикс, когда ездит на Тинг, приносит слухи: астро-инженерная система, бла бла, стабилизирует экосферу... Ха.

Стабилизирует, говоришь? А волосы у меня от него дыбом.

А по ночам — холод по спине, будто кто-то смотрит.

Я не инженер. Я женщина. Но знаю: всё, что требует по-

клонения и не отвечает — скорее угроза, чем бог.

Мимо ангара. Стены — облупленные. Как старая кожа.

И сразу запах — краски, металла, людей.

И тут накатывает. Воспоминание.

Южная Америка.

Жара. Пахнет телом, фруктами, кофе, потом — но живым.

А здесь — вонь копчёной рыбы и сварки. Рыба... странно. Копчёная. Я ж её здесь, в Единстве, отродясь не видела.

Может, и правда опять кусок памяти подбирается, ворохается где-то внутри. Что-то там, в нейронах, шевелится. Как запах из прошлого, забытый, но живой.

Вот сейчас помню и кто я и зачем я. Почему здесь.

Был один. Обещал. Говорил красиво. А потом — стал жить с какой то юной стервой. Без объяснений.

Да, я прыгнула на Хельгу из-за него. Чтобы исчезнуть. Перезапуститься.

Думала: начну заново.

А вышло — будто стёрли не боль, а всё остальное.

Память вернулась. Не вся. Но хватило, чтобы снова захотелось чего-то настоящего...

...настоящего... Йоко...ну почему она...?

Вот уж кто бесит. Худая. Без форм, но уверенная, как будто мир крутится вокруг её тазовых костей.

Душ занимает надолго. За что держится — неясно. У неё там и держать-то нечего.

Я — потом, с полотенцем по скамейке. И, главное, Лис — у неё.

Он — странный. Полукровка. Глаза у него, как будто не здесь. Как будто между мирами.

И слышу, как трахаются. Не раз.

Скрип, дыхание, полустон.

Йоко, зараза, ещё и стонет красиво. Природа иногда даёт несправедливо.

Но мы тоже кое-что умеем. В эти выходные, кстати. .. Ха.

У меня с этим — всё в порядке. Внимание есть.

Но всё не то.

Смотрят потом снизу вверх, как на статую. А я не камень. Я живая.

Мне нужно — вровень. Или сверху. Лучше — сверху.

Восходящий. Он бы подошёл. И для тела, и для дела.

Ну что Сол Мария...

Бывший аналитик-референт в Утопии.

А теперь подсобка на кухне. Подавальщица в баре. Нарезательница корнеплодов. Жарильщица мяс-грибов. Разливальщица местного пойла.

Ты смеешься, когда за стеной кто-то плачет или трахается.

Потому что здесь, в Единстве, так и живут. Через боль и плоть.

И я все ещё помню, как это — чувствовать всё сразу.

Шин.

Запах — тёплый, терпкий. Мяс-грибы, алкоголь и что-то слегка мыльное. Может, полы мыли недавно. Может, кто-то из тех, кто остался чистым.

Свет сверху дрожит. Тени ползут по столам, как мысли, которым не нашлось места в голове.

Сиж у стены. Кружка почти пуста. Пальцы держат её так, будто она ещё прохладная. Но она уже давно тёплая. И больше не охлаждает.

Йоко... Йоко...

С ней всё, как всегда: быстро, резко, по касательной. Она даёт себя тронуть — и исчезает. Спит со мной. Иногда. Не потому что хочет, а потому что может. Разница — как между подарком и сдачей.

Говорят, она теперь с Лисом тоже. Может быть. Может, нет.

Он только вернулся с Тинга. В руке — гвоздь. Теперь он другой. Восходящий.

Мы с ним почти одного возраста. Может, он даже младше. Но на него смотрят так, будто он уже не из нашей массы. А из света.

Он не знает, кто я. Да и я не знаю его. Но я знаю, как на него смотрит Йоко, когда думает, что никто не видит.

Этого достаточно.

Я не злюсь. Но чувствую, как где-то под кожей пульсирует

— не то чтобы ревность. Скорее — стёртость. Как надпись на монете, которую слишком долго носили в кармане.

Не знаю, стоит ли подойти к нему. Сказать что-то. Глупо. Мы даже не пересекались толком. Ковчег — тесный. Но это не делает нас ближе. Иногда теснота — это просто теснота.

— Шин? Ещё? — спрашивает Сола.

Я не сразу замечаю, что она рядом. Голос у неё — тёплый, не вкрадчивый. Просто из тела. Из силы.

Она наклоняется чуть ближе. Ставит кружку. И я чувствую запах её кожи. Не духи. Не синтетика. Кожа. Тепло. Как будто рядом не просто человек — а земля, которая ещё помнит лето.

Смотрю на неё. Грудь. Бёдра. Плечи. Она не играет. Не флиртует. Но именно это — именно это заводит.

Йоко — как искра. Яркая, быстрая. Обожжёт и не заметит.

Сола — как жар. Медленный. Плотный. Такой проникает глубже.

Ловлю себя на мысли: а что, если... Не чтобы забыть. Не чтобы сравнить. А просто — быть рядом с тем, кто не исчезает.

Она не смотрит на меня с намёком. Она просто здесь.

И от этого становится тише.

Не знаю, что делать. Но внутри будто появляется контур. Иногда этого достаточно, чтобы не развалиться.

Йоко8.

Гулкий свет, жар от генератора, пыль в воздухе, дрон на вскрытии. И немного пота под формой, потому что душ — завтра. Если повезёт.

Отвёртка выскальзывает из пальцев и падает со звоном. Не громким, но обидным.

— Блядь.

Пот соскальзывает по виску. Липкий. Пахнет старым пластиком и честно прожитым днём.

Горячая вода была утром. Тогда я выбрала волосы, а не промежность. Теперь вот сижу. И чешусь.

Пальцы скребут по краю металлической обшивки. Томмо не заводится. Контактная группа горит — не буквально, но по ощущениям разница невелика.

Я бы закурила, но тут всё взрывоопасное. С табаком у нас только командир, да и тот прячет его как яйца дракона. Яйца целее будут.

Наклоняюсь ближе. В линзе дрона — моё отражение. Лицо чистое. Почти милое. Глаза чуть раскосые, как у девочек в аниме. Когда-то я этим пользовалась. Сейчас — просто принимаю.

Тело — как у пацана в хорошей форме. Пресс — как у курьера с Токийской границы. Сиськи? Они есть. Но если потеряю — некролог не напишут. Зато ноги длинные. И паль-

цы.

Пальцы — мой инструмент. И моё оружие. В Триаде я ими воровала деньги, вводила коды, ласкала тех, кому платили за мои улыбки. Теперь я ими настраиваю дроны, накладываю повязки, ввожу обезбол.

Делают ли они меня свободной? Сомневаюсь. Пальцы свободны. Остальное — по расписанию.

Ковчег — это не тюрьма. Но и не свобода. Это как жить в чужой прошивке. Можно менять интерфейс, но ядро — не твоё.

Иногда думаю — этот Ковчег вообще живой? Как старая система: глючит, перегревается, но не сдаётся. Стены — не просто дерево. Дерево с памятью. Тут всё когда-то было живым. А теперь — просто работает. Как и я.

Я тут, потому что это лучше, чем сдохнуть в андеграунде мегаполиса или на окраинах Утопии. Но иногда смотрю на стены и думаю: если бы у меня была возможность уйти — я бы осталась.

Дрон щёлкает. Индикатор загорается. Живой.

Ну наконец-то, Томмо.

Вывожу его из ангара, даю плавно подняться — пусть глотнёт воздуха. Я тоже.

Опа. Что тут у нас?

Толпа мелюзги с визгом несётся по дороге. Впереди, конечно, Дрюня. За ним — орава. Вся в пыли, в криках, в утреннем безумии. В центре — этот долбаный птенец цеза-

ря, как огненный шарик на ножках.

Я не смеюсь. Я улыбаюсь. Разница — в зубах.

Дрон висит чуть выше.

А вот и она. Моя соседка по бунгалу. Сол Мария. Мисс Ковчег, блять.

Стоит, будто случайно вышла за водой, но вся сцена выстроилась вокруг неё: пыль, визг, солнце, бегущий цезарь — как театральный задник, который знает своё место.

Жопа — как вызов. Грудь — как предупреждение. Фигура не просто в теле — в весе. В уверенности. В собственной системе координат.

Если б я была чуть толще и подлиннее — может, захотела бы её ненавидеть. Но я просто смотрю.

И думаю — как она это делает? Как она в этом аду остаётся мягкой?

В душе она стоит так, будто знает, что кто-то смотрит. Волосы — по пояс. Грудь — не как у кукол, а как у женщин, за которых дерутся. А задница — планета. С собственной гравитацией.

У неё всё на месте. Но главное — у неё ничего не трясётся. Не в теле. Не в голосе. Не в тембре. Она будто помнит, кем была — и кем будет. Даже если всё вокруг забудет её имя.

Поставь меня рядом — и станет видно всё. Я из другой сборки. Гибкая, угловатая, как будто кто-то чертил меня линейкой и пожалел ластик. Каблуки не ношу — не потому что не могу, а потому что не хочу ломаться ради формы. На бед-

ре — шрам. Не уродство. Серийный номер на технике, что выжила в бою.

А она — гладкая, как голограмма, которую забыли выключить.

Когда она двигается, кажется, что её тело знает о себе больше, чем она сама.

Я смотрю и понимаю — она могла бы забрать любого. Но Лис смеётся с моих реплик. И в душ ходит не с ней. Пока что.

Мы не из одного жанра. Даже если сходимся в кадре.

А вот Осафа...

Осафа — это уже не игра. Он — большой палец. Везде. Ха.

Руки, которые умеют держать всё, кроме привязанности. Он не говорит. Не флиртует. Просто существует рядом — плотный, как гравитация.

Иногда ловлю себя на мысли: а может, стоит попробовать? Не потому что надо. А чтобы знать. Чисто ради калибровки.

ooo

Осафа.

Греется воздух. Греется металл. Греюсь я.

Кидо чутко дышит под пальцами — как живое, хотя я знаю: это просто сталь, шарниры и проводка. Но «просто» — это слово для тех, кто не надевал его на себя.

Масло — не то чтобы густое. Просто тёплое. С характе-

ром. Наношу по звеньям, не спеша. Герметики, кабели, ней-
росвязь. Когда всё правильно натянуто — тело входит в него,
как рука в старую перчатку.

Геракл.

Он знает меня. Я — его. Не разговариваем. Просто пони-
маем. Раньше я мечтал, чтобы он был частью меня. Теперь
это не мечта. Теперь это факт.

Пять лет здесь. Не мало. Но не корни.

Всё ещё чувствую запах входа. Тот день, когда меня вы-
тащили из сброса — как наждачка по памяти. Кожа зажила.
Память — нет.

Ковчег не греет. Но держит. Иногда — будто поднимает.
Иногда — как камень на груди. Зависит от дня. Камень чаще.

Я живу тут. Я нужен. Но не свой. И не чужой. Просто —
масса.

Восходящие. Гвоздь. Саркофаг. Переход. Смотрю, как их
собирают на Тинге. Как будто внутри них что-то встаёт пря-
мо.

Я не злюсь. Но что-то щёлкает. Как будто мне это не по-
ложено. Как будто я — резервный генератор. Рабочий. Но не
главный. Заведётся, если основной сдохнет. А пока — стой
и гуди.

Лис.

Он недавно. Мы недавно. В одном кулаке. Он лёгкий,
быстрый. Молодой. Говорит, как будто рвётся наружу. Смот-
рит — как будто всё впервые.

Я держу. Он бежит. Пока это работает.

Йоко...

Она рядом. В том же ангаре. Возится со своими железками. Не говорит. Но я чувствую — её внимание на мне. Иногда. Мягкое, как укол. И в нём — игра.

Я знаю эту игру. Она флиртует. Но не для меня. А через меня. Чтобы он посмотрел. Чтобы Лис почувствовал.

Я не слепой.

Она красивая. Не стандартно. Не по формам. В ритме. В том, как ходит, как держит инструменты, как улыбается краем рта. Она возбуждает. Как провод под напряжением — хочется тронуть, но знаешь, чем кончится.

Я бы мог. Может, хотел бы. Но если я пойду на это — я стану частью чужой схемы. Встану в клетку, из которой думал, что уже вышел.

Не хочу быть оружием в её ревности. И не хочу быть тем, кто говорит «нет» и потом жалеет.

Пока — молчу. Смотрю. Подтягиваю крепление к плечу. Геракл щёлкает на месте. Кидо готов.

Я — почти тоже.

ooo

Логган.

Ховер-байк сдох. Не первый, не последний.

Йоко выругалась на своём азиатском — как в Утопии, на-

верное, и матом плевались под музыку.

Афро молча смотрел, как трескается обшивка.

Запчастей нет.

Принтер не выдаёт даже пластик.

Материалов мало, выбросов не было давно.

Выживаем — на минималках.

Сейчас тут ангар. Тогда — была ровная площадка и ветер.

Ничего лишнего.

Контейнеры мы подтягивали потом. Устанавливали, обваривали.

Каждую панель я помню, потому что держал.

И держу до сих пор.

В первом выбросе нас выжило тридцать семь.

Помню точно — тогда счёт шёл на штуки, не на сотни.

Одиннадцать — космодесант. Остальные кто во что: технари, медики, пара пустых лиц из гражданского состава.

И Гена.

Вокруг него всё и собрано.

Он держал центр, не потому что звание, а потому что держал.

С нами — два контейнера.

Каракурты. Оружие. Полевой. Синтетик.

Прик.

Без него и без них — не выжили бы.

Ни тогда, ни потом.

Из одиннадцати нас осталось двое.

Я и Гена.

Остальных нет.

Егор ушёл семь лет назад.

С женой — Шопотом Листвы.

Она была Фламиника Ковчега, родом из Народа Леса.

Знала, как варить зелья, как готовить таблетки, как вытягивать раненых с того света.

Не волшебница, но близко.

Без неё мы не один раз могли бы лишиться половины бойцов.

Они ушли вместе.

И больше не вернулись.

Насчёт их ухода кое-что известно.

Было задание Наблюдателя — выход в Тёмные Земли.

По слухам, там засекли активность Червей.

Или кого-то похуже.

Им поручили проверить.

Егор, Шопот Листвы и трое наших.

Все — Восходящие.

Ушли.

Семь лет назад.

С тех пор — ни сигнала, ни данных.

В Вечности их никто не встречал.

Ни голосов, ни следов.

Выжили ли?

Маловероятно.

Тут уже никто не ждёт.

Знаменосца у нас с тех пор нет.

Гена думает на меня.

Разговор был. Не один.

Но я не из тех птиц.

Я держу линию. Не знамя.

Наш кулак — сейчас, пожалуй, главное боевое звено в Ковчеге.

Я — сильная бронза, Лис — восходящий, Афро — надёжная огневая поддержка, Йоко — технарш с головой и руками.

Мизинца пока нет.

Гена сказал — решит в течение дня-двух.

Кандидат, похоже, уже есть.

Пока не скажу, что мы сыграны.

Но есть надежда, что спаяемся.

Гену команда устраивает. Меня — тоже.

Кандидатов на гвоздь тогда было несколько.

Лис не выбился вперёд, но и не проиграл.

Был среди равных.

Гена выбрал его.

Частично — из-за Егора.

Но не только.

Сейчас ходят разговоры, мол, протеже.

Смотрим сквозь.

Кто хочет сплетен — пусть идёт к огню ближе. Там быстро выбьется дурь.

А Лис — держится.

Думает. Смотрит. Учится.

Есть с чем работать.

За переборкой раздался шум — визг, топот, чей-то восторженный ор.

Я вышел в проход — и как раз вовремя.

Мимо пронеслась орава — босые, в сапогах, в платьях, кто в шортах, кто вообще в одних трусах с драконом.

Детвора.

За ними — птенец цезаря, ещё молодой, но с хохолком, как радуга. Перья сверкают, лапы мелькают, несётся, будто реактивный.

Кто-то орёт: «Цезарь наш! »

Кто-то кидает тапок.

Кто-то ржёт, кто-то кашляет от пыли.

Я усмехнулся.

Вытер руки тряпкой.

Всё.

На сегодня — достаточно.

ooo

Нара.

Дрон вылетает из ангара — низко, чуть в сторону. Оптика дрожит. Навигация сбита — видимо, сбита, визуальный лёгкий крен, градуса на четыре.

Никто не чинит. Он просто кружит, как подраненная птица.

Мелкотня проносится по улице вслед за Дрюней. Для неё по-прежнему он Дрюня... смех, визг, крики восторга...

Я знаю, как его поправить. Но это не моё. Пока не моё.

Мужик у модульного склада орёт на сына. Словно пытается этим криком прибить ему руки к штыковой лопате, которой тот нехотя ковыряет землю...

А сам вчера искал трансформатор, который сам же закопал под тряпки. Я видела.

Все бегут, торопятся. Все делают вид, что знают, кто они. А я?

Мама сказала бы — «не спеши, всё найдёт тебя».

Отец сказал бы — «не трогай, если не уверена».

Я не спешу. Я просто иду.

Справа, у ангара — Йоки. Сидит на ящике, пьёт из фляги. Я её знаю. Она в Кулаке Логана.

Заносчивая. Раскованная. Спит со всеми — об этом весь Ковчег знает.

Но я не такая.

Мне это не нужно.

Мне нужно — своё.

Я знаю, как работает дрон.

Знаю, что у зверя в глазах, когда он идёт следом за тобой.

Я не боюсь.

У Тайко — такие же глаза.

Он всё ещё зверь, и всё ещё опасен, но когда я рядом — он не рычит.

Иногда он просто сидит в своём загоне и дышит, тяжело, как будто мир его утомил.

А когда я говорю — он слушает.

Понимает? Не знаю. Но слушает.

Все думают, что он — чудовище.

А я вижу в нём одиночку.

Того, кого выдернули из своего прайда и больше не вернули.

Мы с ним в чём-то похожи. Только у него когти — снаружи.

А у меня — внутри.

Кулак — это не игра. Это — вместе, до последней точки.

Одна связка. Одна вершина.

Я не буду просить.

Я скажу, как есть.

— Возьмите.

— Я умею.

— Я готова.

— Я не стану грузом.

ooo

Лис

Он лежал в скалах, под самым куполом неба — там, где ветер тоньше воздуха, а камни хранят тепло прошедшего дня, словно забытые ладони. Над ним не было ничего, кроме неба. И над небом — Звёздный Трон.

Он медленно поднимал взгляд, будто боялся потревожить. И видел — кольцо, пронизанное иглой, голубоватое, слегка вытянутое. Оно не светило — оно излучало тишину.

Свет Трона заменял солнце и луну. Мир был залит странным сиянием — будто вечный сумрак, от которого не спрятаться, но и не исчезнуть.

Когда-то ему рассказывали, что это — корона над чёрной дырой, сплетённая из кольцевых структур. Что в её недрах — машина, вычисляющая жизнь. Что там — Вечность.

Он стал Восходящим совсем недавно. Дерево — самый первый, самый скромный ранг.

Те, кто уже носил металл, иногда бросали на него взгляды с таким выражением, будто ранги вроде его — не настоящие.

Но сейчас — тишина. Скалы. Трон. И он — под ним, маленький, живой.

Он закрыл глаза. Вспомнил мать. Вспомнил отца. Вспомнил Вечность — пустую.

Он вспомнил отца. Не лицо — обрывки. Пальцы на плечах. Голос, который был твёрдым, но никогда не громким. Слова:

«Если тебе дадут скрижаль — не кланяйся. Встань прямо. Это не подарок. Это вопрос. »

Он тогда не понял. Сейчас — начинал.

Егор был Знаменосцем. В Ковчеге это значило многое. Правая рука дяди Гены — Рикса, основателя колонии.

Уважали. Слушали. Он не командовал — он утверждал присутствием.

Лису всегда казалось, что отец не просто знал, как устроен мир. Он знал, что делать, когда он ломается.

Семь лет. Почти семь лет, как он исчез вместе с матерью. И Вечность — ничего не сказала.

Он хотел бы верить, что они живы. Но пустота в ответ — это всегда тень.

Он вспомнил мать.

Шёпот листвы. Так её звали. Так её называли. А отец — называл иначе. Наедине — «мой шёпоток».

Когда Лис слышал это, он запомнил. Навсегда.

Она была дочерью народа Леса, высокой и стройной, как стволы копейника. Рыжая. Настолько, что казалась языком пламени в зелени их долины.

Говорили, что она — самая красивая женщина в Ковчеге. И завидовали отцу.

Когда-то, ещё до их встречи, её похитили изгои. Шесть

месяцев рабства.

Отец нашёл её случайно — на одном из заданий, выданных Наблюдателями. С боем. С потерями.

Кроме неё, они освободили ещё четверых — двух женщин из лесного народа и мужчину с женщиной из колонистов Хельги.

Когда Гена и Егор привели их обратно к Народу Леса, Шёпот Листвы — тогда ещё совсем не его мать — вышла вперёд и попросила своего рикса, родного дядю, разрешить ей остаться с землянами.

Она выбрала не возвращаться в лес. Выбрала остаться с ним.

С тех пор они не расставались. А потом появился Лис.

Он — высокий, сильный, гибкий, с рыжими волосами, но с отцовским взглядом, который сначала молчит, потом решает.

Он был из её плоти, но с его твёрдостью.

Она умела говорить с деревьями. Не словами — состоянием. Слушала лес, как другие слушают музыку.

Верила, что лес — разумен, как цельный организм. И что человек может его понять, если станет тише, чем сам лес.

Она была Фламиника Ковчега — знала, как собирать и варить, как не спутать ягоду жизни с ягодой сна, как лечить и укрывать.

Они пропали вместе. С отрядом. С заданием в горах. С тех пор — тишина.

И снова открыл глаза — что-то в небе показалось ему... не таким, как обычно. Слишком ровным. Слишком неподвижным. Как будто кто-то смотрел — оттуда, где нет глаз.

Он пришёл сюда по заданию — ничего сложного, обычная рекогносцировка от дяди Гены. Проверка окрестностей на предмет новых угроз: найтволки, тигрексы, дрейки. Иногда они появлялись внезапно, мигрируя по окраинам Светового Круга. Лис обошёл все контрольные точки. Всё было по-прежнему: камни, ветер, тени. Ни следов, ни звуков, ни запахов — тишина, настоящая.

Это была хорошая новость. В последнее время хороших новостей было мало.

Он лёг на спину, снова глядя в небо. Звёздный Трон неподвижно висел над горизонтом. Тишина становилась глубже, и он не сопротивлялся ей.

Завтра он будет в Ковчеге.

Он закрыл глаза.

ooo

Гена.

Геннадий Кромов — Рикс.

Геннадий Кромов — Рикс, ветеран звёздного флота, бывший трибун и командир десантной когорты — шагал по кабинету.

Модуль, где он обитал, служил и штабом, и комнатой для совещаний, и личной цитаделью. Стены помнили всё — каж-

дый приказ, каждое решение, каждую паузу между ними.

Он ходил по нему так, будто отмерял маршрут высадки — точка к точке, без случайных поворотов. Десантники вообще редко ходят просто так. Каждый шаг — либо к цели, либо от цели. Всё остальное — попытка вспомнить, зачем ты вообще ещё ходишь.

В пальцах крутилась сигарета — последняя из вскрытой пачки. Запасов больше не было. Как и сбросов. Сигарета знала, что она последняя, и от этого тлела медленнее.

Запасные блоки для принтеров заканчивались. Боеприпасы таяли. Пару дронов недавно собрали буквально из остатков, один хайвер-байк встал в очередь на донорство, а может и на вечный прикол. Ресурсы перекидывали между юнитами, как воду в дырявых вёдрах. Всё держалось. Пока.

Двадцатый год от основания. Наверное, не худший — но точно и не лучший. Хотя, если быть честным, всё пошло наперекосяк семь лет назад. С тех пор Ковчег не падал, не рушился — просто медленно шёл вниз, как человек, который ещё идёт, но уже не помнит куда.

Когда ушёл Егор.

Его друг. Товарищ. Знаменосец Ковчеха. Вместе с ним — его жена, Шёпот Листвы, и ещё трое бойцов. Все трое — восходящие. Вышли за хребет, по заданию Наблюдателя.

И не вернулись.

Почти двадцать лет назад их выбросили с Хельги. Орби-

тальный аппарат Утопии. Сброс.

Гена помнил тот день до деталей. Детали помнили его.
...Очнулся уже на спуске.

Сквозь остекление фонаря — небо, тускло-золотистое, как выжатое досуха. В просветах — десятки капсул, расплывающихся по куполу неба. Некоторые уже раскрывали парашюты, за ними — грузовые контейнеры, тяжёлые, бугристые, падающие с терпением бомб, которым некуда спешить.

Он не понимал, кто он. Но помнил, что делать.

Капсула ударилась о землю. Сработали амортизаторы. Тепло дёрнуло, освещение мигнуло.

Потом — тишина. Твердь была реальна.

Он вышел из оцепенения. Не сразу. Паники не было. Протоколы включились первыми — и автоматика, и свои собственные. Руки двигались, как будто жили отдельно от головы, и голова им не мешала.

Сбросил фонарь, вылез наружу.

Плоская равнина. Пыль. Трава. Синяя трава — океан синей травы до горизонта. Ни души.

И дерево.

Дерево.

За хребтом, но видно отчётливо. Громада. Светится. Ветви — как лучи. Занимает полнеба. Неестественное. Необъяснимое. Стоящее там так, будто оно было первым, а всё остальное — потом.

Потом.

Сейчас — работа.

Вскрыть грузовой отсек капсулы. Посадка удачная, ничего не заклинило, створки разошлись мягко. Маркировка — андроид синтезированный охранный, «АСО-7В, серия...». Неважно. Шильдик.

— Прик... — пробормотал он.

В голове что-то щёлкнуло. Прик. Да, я тебя помню. Я нас помню. Ощущение, будто в темноте загорелась лампочка — и тут же погасла. Мысли ускользнули. Но руки продолжали работать.

Он активировал синтетика голосовой командой. Тот зашевелился, встал, принял стойку. Поводил головой из стороны в сторону, посмотрел на человека, присел и начал распаковывать оружие — энергетическую винтовку, модель «Лунное копьё». Винтовка легла в его руки так, будто ждала именно их.

— Просканируй зону посадки. Займи оборону, — прохрипел Гена.

Открепил планшет от стенки капсулы. Молча пробежал глазами список:

Хувер-байки — «Антилопа», «Гаруда». Багги — один разведывательный, один тактический. Дроны — летающий, наземный. Сканеры, стабилизаторы, баллоны.

Палец скользит дальше.

Каракурт. Бронетранспортёр. Две единицы.

Остановился. Хорошо.

Контейнер А-2: «Суворовы», броня «Магнус», термоодежда, принтер, крипторы, инструменты, аптечные модули, схемы, энергоблоки, омни-браслеты...

Он действовал на автомате. По шагам. Как ему вбивали в голову все годы службы, которые он не осознавал, но ощущал нутром. Тело помнило то, что голова забыла. Тело было надёжнее.

Сигнальные ракеты на сбор. Красная. Зелёная. Красная.

Сбор. Он даёт команду на сбор. Значит, он — тот, кто принимает решение. Эта мысль не грела. Но держала.

Красная полоса рассекла небо. Зелёная. Ещё одна.

— Прик, — позвал он.

В ответ — короткий доклад: «Норма. Движение в пределах сканирования отсутствует. Обзор 360.»

Синтетик занял позицию на крыше контейнера. Контейнер принял его вес без возражений.

Гена торопился. Пальцы скользили по замкам, срывали упаковочные стяжки с каракурта. Затылок чувствовал: время сжимается. Плечи подрагивали, пытаюсь успеть за сердцем. Дыхание стало поверхностным — почти свист.

Сначала — гул. Низкий, вибрирующий, идущий не из воздуха, а из земли. Потом — топот. Земля под ногами задрожала, будто вдалеке шёл кто-то, для кого слово «остановиться» ещё не изобрели.

Гена резко поднял голову. С востока поднималось облако

пыли — сухой, красной, как истлевшая глина. Она накрывала равнину быстро, будто кто-то выдыхал её из пасти.

Успел. Последний щелчок — каракурт готов.

Гена рванулся внутрь, хлопнув створкой. Пульт запуска. Под ногами загудели приводы. Механизм ожил.

Снаружи приближалось нечто.

Из пыльной каши начали проявляться силуэты. Сначала — расплывчатые. С каждой секундой — отчётливее. У Гены кольнуло в животе.

Животные? Нет. Всадники? Нет. Что-то среднее — как ожившая древняя гравюра, которая сошла со стены и забыла, что она была плоской. Бочкообразные туловища, заросшие шерстью. Массивные рога. Ключья шкуры. Дубины, каменные наконечники на древках.

— Кентавры, мать вашу... — пробормотал он.

Но сам же понял: слишком неуклюжие для кентавров. Скорее — бойни на ногах. Движущиеся мясорубки, вся суть которых сводилась к трём глаголам: убивать, крушить, разрывать.

Впереди вышел вожак. Гигант, чуть ли не вдвое выше остальных, с рогами, изогнутыми, как корабельный винт. Его левая рука сделала медленное дугообразное движение — будто срезал невидимую волну.

И тут каракурт, весом с десятков тонн, дрогнул.

Невидимый таран из сжатого воздуха врезался в корпус. Внутри всё звякнуло. Приборы мигнули. Гену качнуло в

кресле. Сбоку, с глухим металлическим хрустом, Прика сорвало с контейнера. Он отлетел, катясь по сухой траве.

Снаружи продолжали надвигаться. Молча. Только топот, низкое рычание и ритмичный гул — будто земля начинала собственную песню. Слов в ней не было. Только ритм.

Прик вскочил. Правая нога подламывалась — что-то сбилось в приводе. Он бросился к контейнеру, перескочил на соседний, толчком одной ноги, присел на колено. Прицелился. Винтовка в его руках не дрожала. Она была терпеливее хозяина.

Гена зажал гашетку.

Орудие каракурта выдало очередь. Первый заряд попал прямо в жоака — того самого, с жестом. Тело развернуло. Грудная клетка раскрылась, ноги подломились, туша покатилась, сминая траву, которая только что была синей, а теперь — нет.

На миг — пауза. Тишина, в которую никто не поверил.

С флангов двинулись другие. Стрелы, дротики, камни посыпались на броню. Удары по задней створке — кабина задребезжала, как пустое ведро, в которое попал первый дождь.

Прик выстрелил. Потом ещё. И ещё.

Каракурт поддержал огонь. Гена работал по группе справа, не давая приблизиться. Крупные фигуры падали — выброшенные из движения. Некоторые ещё дёргались. От тела к телу — не разбирая.

Воздух наполнился гарью. Порох и кровь. Запахи, которые всегда приходят вместе.

Стадо сбилось. Инициатива ушла. Они не бежали, но движение стало рассыпчатым, неуверенным. Ритм сбилсся.

Табун разворачивался.

Перелом наступил.

ooo

Ковчег.

Лис забрался на скалу, что торчала над предгорьями, как обломанный зуб. Зуб, впрочем, держался крепко — видимо, корни уходили глубже, чем казалось.

Отсюда Ковчег открывался целиком — маленький, прилипший к краю светового круга молодого Игг-древа. Двадцать лет ему, а выглядит на все сто — потрёпанный, с латаными краями, но по-прежнему упрямо державшийся за жизнь. Как старик, которого забыли предупредить, что пора сдаваться.

«Бедненько, но чистенько», — подумал Лис. Так всегда говорил его отец. Голос отца звучал всё тише. Фраза — пока держалась.

Посёлок внизу казался скромным и выцветшим, но аккуратным: крыши, огороды, редкие постройки — всё стояло, пусть и подлатанное. Свет Игг-древа ложился на долину мягко, выхватывая не столько красоту, сколько упорядоченность и привычную, упорную заботу. Красота здесь не водилась. Зато порядок прижился.

У подножия холма теснились жилища из копейника — серо-коричневые, с серебристыми прожилками на коре, будто кто-то когда-то пытался нарисовать звёзды на стволах, но бросил на полпути. Крыши крыты листьями жизнецвета: под светом Игг-древа они поблёскивали, словно запаянные в январь.

Лис вспомнил, как в детстве бегал между этих домов, гоня птенцов цезарей, пока их пёстрые перья не разлетались по ветру. Теперь цезарей держали в загонах из того же копейника. Перья никуда не летели. За ними нужен был уход.

Рядом — длинный барак: школа и детсад под одной крышей. Крыша на это не жаловалась. Лис прищурился, глядя на окна — никого. Наверное, урок.

Он хорошо помнил, как сам сидел там: виртуальные тренажёры, архивы Хельги, учёные капсулы — всё это давало детям Ковчега образование, о котором местные из племён могли только мечтать. Тогда он знал наизусть карты Земли, хронику Утопии, коды колониальных протоколов. И хотел быть как отец — Знаменосцем, тем, кто несёт порядок.

Теперь — только «Суворов» за плечами и память, в которой голоса родителей звучали всё тише.

Выше по склону, на плато, — три модуля с Хельги: штаб, склады и медком. Серые корпуса, потёртые, но крепкие, среди копейниковых построек смотрелись как городские родственники на деревенских поминках — неуместно, но необходимо. Туда вели две дороги, достаточно широкие для ка-

ракуртов — тяжёлых вездеходов, способных забрать людей при общей эвакуации.

Лис знал: если придёт край, поселенцы поднимутся сюда с машинами, забаррикадируются, и дороги перекроют. Именно для этого дядя Гена когда-то подвесил над ними валуны, закрепив на канатах из липкого ореха. Один рывок — камни рухнут, отрезая путь. Примитивно. Надёжно. Как всё, что придумывал дядя Гена.

Лис помнил, как помогал ставить эту систему ещё пацаном. Под ворчание и тяжёлый взгляд, который не терпел возражений. Взгляд с тех пор не изменился. Ворчание — тоже.

Геннадий Кромов, дядя Гена — Рикс Ковчег, бывший трибун Утопии и командир десантной когорты. Он был здесь с самого начала, выброшенный в Единство в том же сбросе, что и отец Лиса. Они выживали вместе, и потому Лис с младенчества знал его руки — крепкие, шершавые, пахнущие металлом, потом и деревом. Руки, которые умели держать и оружие, и ребёнка, и не роняли ни то, ни другое.

«Строй держишь — живёшь. Нет — в Тёмные земли.» Лис тогда принимал это за игру. Теперь знал — это закон.

С трёх сторон Ковчег защищён: ров, вал и частокол из копейника, поверх которого натянута армированная проволока. На вышках — бойцы с «Суворовыми», следящие за подходами. Над лагерем курсировали два дрона: один — разведывательный, второй — боевой. Первый поддерживал вокс-канал — старую утопийскую сеть связи, заменившую коло-

нистам и радио, и интернет. Второй оставался в боевом режиме. Один летал, чтобы слушать. Другой — чтобы не пришло.

А угрозой были тавры. Бочкообразные тела, рога, мохнатые торсы, дубины и дротики с каменными наконечниками — гибриды человека и зверя, застрявшие в каменном веке и не желавшие из него выходить. Их никто не признавал, но все знали: появится табун — считай, начинается.

Лис слышал про них с малолетства. В Ковчеге тавры всплывали в разговорах так же часто, как погода — на охотничьем складе, возле ограды, во время чистки оружия. Он помнил, как дядя Гена рассказывал о первом бое после выброса. Тогда никто не знал, с кем столкнулись. Альфа-тавр взмахнул рукой — и каракурт дрогнул, будто его ударила невидимая стена. Гена потом говорил: не понял, что это было. Просто сработала какая-то древняя сила. Позже выяснили — альфа был восходящим. Руна. Воздушный таран.

Для Ковчеха такие враги были непростыми. Очень непростыми. Руны не берёшь на мушку.

Четвёртая сторона упиралась в холмы, переходящие в горную гряду. Там шла добыча солнцекамня — полупрозрачного минерала, что впитывал дневной свет и хранил его, отдавая в темноте тёплым янтарным сиянием. Камень легко трескался, каждая удачная выемка ценилась. Колонисты меняли его на цезарей, тауро и фермерские припасы у Народов Единства. Свет в обмен на жизнь. Честный курс.

Глубже, в пещерах под склонами, в полутьме росли мяс-
грибы — огромные наросты на сводах, красноватые на срезе,
плотные, насыщенные белком. Их собирали ежедневно. Для
Ковчега это был не деликатес. Это был хлеб.

Я дома.

Пришла в себя.

Свет — не резкий, но его было много, как будто кто-то решил не экономить на первом впечатлении.

Тело вялое. Не уставшее — скорее забытое. Как вещь, которую долго не доставали с полки.

Ложемент держал меня узко, обтекая по бокам с заботой, граничащей с навязчивостью. Ремни через грудь, плечи, бедра — не душили, не впивались. Просто не отпускали. Как объятие того, кто обнимает чуть дольше, чем нужно.

Голова тяжёлая. Мысли скользят. Не ловятся. Как рыбы подо льдом — вижу, что двигаются, но не поймать.

На мне комбинезон. Тёмный, плотный, шероховатый на ощупь. Вставки на суставах и груди, швы проклеены с такой добросовестностью, что ткань внушала уважение ещё до того, как стало понятно, к чему готовиться. Молния по центру корпуса. Вторая — по линии пояса. На плече — выпуклый знак. Шеврон сбоку. «Хельга». «Проект Космо». Карманы плоские, закрытые. Всё функционально. Никаких украшений.

Комбинезон точно знал, зачем он здесь. Я — нет.

Повернула голову.

Фонарь. Через остекление — небо. И не только.

Дерево.

Далеко, но видно целиком — огромное, невозможное, как голограмма, которую забыли выключить. Оно занимало почти половину обзора, спокойно и без извинений, как рояль, который не звали, но который уже стоит. Ствол — прямой, толстый, уходит куда-то за горизонт. Ветви расходятся сетью. Крона теряется в высоте и светится — мягко, рассеянно, отовсюду.

От такого не отмахнуться. Мысли не переключить.

Я не знаю, что это. И не знаю, почему ничего не знаю.

В голове пусто. Ни имени, ни причины. Только я — здесь — фонарь — и это дерево, которое вело себя так, будто удивляться следовало не ему, а мне.

Подо мной — синева. Трава. Синяя, густая, тяжёлая на вид. Шевелится медленно, как вода, которая забыла быть жидкой.

Капсула дёрнулась. Один раз. Второй. Толчок — лёгкий, глухой. Звук исчез. Движение тоже. Твердь.

Несколько минут не двигаюсь. Дышу. В голове — прибор от ударов сердца.

Тело просыпалось по частям, без спешки, как будто сверялось со списком. Пальцы первыми. Потом шея. Плечи. Ноги подключились последними — видимо, стояли в очереди.

Медленно оглядываюсь. Комбинезон — тёмный, вставки на груди и бёдрах. Ткань тянется, но держит форму. На швах — проклейка. На груди — рельеф сенсора. Манжеты с застёжками, ботинки высокие, с утяжкой по щиколотке. На ле-

вом плече — твёрдая нашивка, как щит. Сбоку — шеврон.

Всё цело. Всё на мне. Как должно быть. Хотя я не помню, как должно быть.

Щупаю замок привязной системы. Щелчок. Ремни ушли в ложемент — быстро, без сожалений, будто только этого и ждали. Тело расслабилось. Как из тисков вытащили.

Сажусь ровнее. Передо мной — панель. Плоская, чёрная, с парой мигающих индикаторов, которые мигали с таким терпением, будто занимались этим всю жизнь.

Рядом — кнопка с жёлтым ободком. Фонарь. Нажимаю. Остекление — большое, почти во всю переднюю стенку — с глухим шорохом разъехалось в стороны и назад.

Воздух хлынул в кабину. Сухой. Тёплый. Насыщенный. Вдыхаю. Запахи — незнакомые. Немного сладости, немного чего-то древесного, пыльцового, живого. Не давят. Наоборот — как будто лёгкий голод внутри вспомнил, что он был, и потянулся навстречу.

Вдыхаю глубже. Ещё раз. Голова кружится — не от слабости, а от желания понять.

Пока не двигаюсь. Просто дышу. Воздух не торопит. Вылезла, перебравшись через борт. Осторожно. Без рывков. Накатила волна слабости — такая, что ноги на секунду забыли, зачем они. Подождала. Прошло.

Шаг. Потом второй. Ноги держат. Хорошо. Трава — повсюду. Синяя, густая, тяжёлая. До пояса. Местами — по плечи. Как океан, волны которого просто забыли

быть жидкими, а теперь стесняются признаться.

Обошла капсулу. Целая. Передняя часть вытянутая, немного яйцо, остальное — функциональный корпус, серебристый металл, местами вставки жаропрочной керамики. Ничего не дымится. Не искрит. Фонарь распахнут, створки в крайних положениях.

Капсула стояла в траве спокойно, как предмет, который давно смирился со своим местом в жизни.

Обогнула корпус. Села. Прямо в примятую проплешину, где трава легла под весом посадки. Сначала на корточки, потом опустилась. Опёрлась спиной.

Металл тёплый. Словно свет от дерева проникает даже сквозь него. Или капсула просто решила быть доброй — на первый вечер.

Где-то в траве птицы. Громкие, на разный лад. Каждая — о своём, и ни одна — обо мне.

Сажу. Просто сажу. Думаю. Или пытаюсь. В голове — шум. Как после громкой музыки, когда всё стихло, а уши ещё не поверили.

Закрываю глаза. Пробую собрать хоть что-то. Факты. Чётко. Без паники.

Я очнулась в капсуле. Всё работало исправно. Посадка мягкая. Одежда на мне — форма, защитная, цельная, с маркировкой. «Космо». «Хельга». Вряд ли я случайный пассажир. Почему тогда ничего не помню.

Дерево. Оно там. Я его не узнаю. Не знаю точно, но это не

нормально. Значит, я не дома. А где?

Воздух пригоден. Местность не агрессивна. Пока.

Больше — ничего. Ни образов. Ни имён. Ни голосов. Память молчала, как свидетель, который всё видел, но решил не связываться.

Голова начинает болеть. Ладно. Оставим.

Я жива. Это — точка отсчёта. Первый ответ. Всё остальное — размыто, туманно, без формы. Но если дыхание ровное и мир не раздавил меня с ходу — значит, можно искать. Можно пытаться вспомнить. Можно идти вперёд, даже если не понимаешь куда.

Пока есть движение — есть шанс.

Встаю. Медленно. Мышцы реагируют, суставы поддаются. — Ну давай, девочка. Время собирать себя.

Подхожу к капсуле, влезаю обратно. Внутри уже знакомо — как будто мы с ней успели о чём-то договориться, пока я сидела снаружи.

Панель передо мной. Вожу пальцем по сенсору — просыпается. На экране — схемы, статусы, блоки. Ничего сложного. Всё понятно. Инжектор. Отсек стабилизации. Батарея. Питание. Руки знают, куда смотреть. Голова пока молчит, но не мешает.

— Окей. Живём.

Наклоняюсь. Под ложементом — стык, почти незаметный. Засовываю пальцы, нащупала замок. Тяну. Туго. Пла-

стик хрустит — обиженно, как будто его не трогали очень давно и он уже привык. Крышка поддается.

Кейс. Плотный, чёрный, с текстурой. По бокам — уплотнители, прорезиненные вставки. На крышке — маркировка: «Набор Колониста».

Прижимаю к себе. Он чуть тяжелей, чем ожидала. Не по весу — по ощущению. Как будто тянет не вниз, а внутрь.

Выбираюсь наружу. Под ногами трава. Много. До сих пор не привыкла к её цвету. Она пружинит, тянется за ботинками, будто хочет познакомиться, но не решается быть первой.

Сажусь на прежнее место. Примятая трава приняла меня обратно без вопросов — видимо, уже считала своей.

Кейс на коленях. Секунда — просто держу. Смотрю. Он как якорь. Как напоминание: всё это реально. Не снится, не мерещится. Вот он — вес, текстура, замок.

Щелчок. Открываю.

Браслет. Лежит на серой подложке, как экспонат, которого не касались со дня поступления в музей. Чёрный, матовый, аккуратный.

Пальцы тянутся сами. Беру. Он чуть прохладный. Приятный. Почти как кожа, которая притворяется пластиком. Надевается легко — щёлк, обхватил, зафиксировался. Внутри странное ощущение: будто он уже был на мне когда-то. Будто запястье его ждало.

Прикасаюсь к утолщению. Кольцо иконок вспыхивает над ладонью. Мелькают названия.

Первое — «Часы». 21:37.

Щурюсь. Оглядываюсь. Свет достаточно яркий, падает сверху, заливает всё вокруг.

Солнце? Поднимаю голову, ищу на горизонте. Нет.

Секунда паузы.

Солнце. Оно должно быть. Я точно знаю, что должно быть солнце. Но его — нет. И это странно. Даже страшно.

Щёлкаю дальше. Календарь — пробежала взглядом, не зацепилось. Компас — пока ни к чему, я ещё даже не решила, куда идти. Барометр, альтиметр — пусть подождут, они терпеливые.

Анализатор. Важная штука. Но не в эту минуту.

Азур-детектор.

Замираю.

Что-то знакомое. Очень. Слово прилипает — не чужое, было где-то рядом. Не вспоминается. Но цепляется, как нитка за край мысли, которой уже нет.

Синхронизация. Не трогаю. Ещё рано. Палец замирает над значком и не решается.

Криптор.

Вот с этого начнём.

Щелчок — почти неслышный, но пальцы чувствуют. Куб раскрывается, внутри — ячейки, как в улье. Шестнадцать. Расширенный вариант. Грузоподъёмность — восемьсот кило. Объём — 1.44 куба. Половина слотов уже занята. Кто-то упаковал мою жизнь заранее и, судя по аккуратности, не

торопился.

Открываю первый слот. Свёрток. Плотный, упругий. Ткань с пропиткой. Бирка: «Палатка. Комплект автономный». Там всё — тент, коврик, сетка, фиксаторы. Даже по весу чувствуется — собрано с умом. Кладу на траву.

Дальше. Комбинезон, куртка, штаны. Свёртки бельё, футболки. Всё женское. Всё по размеру. Не задерживаюсь — вещи пока знают обо мне больше, чем я сама.

Лодка. Вёсла. Пищевой контейнер. Рационы. Посуда. Фляга. Световые стержни. Верёвка. Мультигул. Котелок. Маска. Очки.

Аптечка. Открываю. Сканер, инъектор, картриджи. Три медпакета. Всё стандарт — по крайней мере, руки так считают, потому что голова по-прежнему воздерживается от комментариев.

Пакет. Читаю.

Прокладки.

В голове щёлкнуло. Не мысль — скорее, как будто организм откашлялся и напомнил о себе служебной запиской.

Прокладки.

Смотрю на них, как будто они сейчас заговорят. Объяснят. Расставят всё по местам.

Молчат. Ну да. Их дело маленькое.

Ага. Значит, тело решило — пора напомнить, что я женщина. Спасибо, тело. Что бы я без тебя делала. Наверное, умерла бы от кровопотери и удивления.

Так. Прокладки есть. Значит — месячные. Месячные. Месяц. Цикл. Цикл — это... луна?

Поднимаю голову.

Луны нет. Солнца тоже. Окей. Звёзды? Не видно. Планеты? Хоть какая-нибудь? Должна же быть.

Секунда паузы. Смотрю на пакет.

— Девочка, ты в системе координат или нет?

Улыбаюсь сама себе. А мне точно смешно?

Модуль VOX. Круглая капсула, запаянная, с видом предмета, который надеялся, что его никогда не откроют. Рядом — две мини-ячейки питания. На крышке — эмблема Звёздного Флота. «Экстренное сообщение. Класс А».

Достаю. Вставляю ячейку. Щелчок. Индикатор загорелся — устройство ожило с готовностью, от которой стало не по себе. Прикладываю к уху.

Проекция вспыхивает перед глазами — голубой полупрозрачный экран. На нём появляется мужчина в чёрно-серебряной форме. Гладкая причёска. Жёсткий ворот. На фоне — командный мостик, консоли, звёзды. Голос ровный, отрепетированный — из тех, что специально тренируют не дрожать:

«Приветствую, колонист! Меня зовут Йан Воглер, я координатор Звёздного Флота и капитан ковчега «Хельга». То, что вы сейчас прослушиваете — автоматическое сообщение. Это означает, что самая сложная часть нашего пути успешно преодолена и посадка прошла успешно. Вероятно, сейчас

вы находитесь в шоке, ничего не помните, мало что понимаете и испытываете слабость и тошноту. Пожалуйста, не волнуйтесь — вашему здоровью ничего не угрожает, это абсолютно нормальные последствия криогенного стазиса, в котором долгое время находился ваш организм. Вы являетесь одним из миллиона добровольцев, согласившихся участвовать в проекте «Космо». Миссией нашего проекта является повторная колонизация Земли после глобальной катастрофы класса «А». ...лет. Не пугайтесь, сейчас всё уже позади, и нам предстоит заново построить наш дом. Сброс капсул и грузов с ковчега происходит согласно запрограммированным алгоритмам в заранее намеченных для колонизации районах. Краткая инструкция: после приземления не покидайте район посадки. На капсуле установлен маяк, передающий непрерывный сигнал, который поможет поисковой группе легко обнаружить вас. Связь с «Хельгой» осуществляется через вокс-канал, при необходимости воспользуйтесь ракетницей из аварийного набора или подайте дымовой сигнал. Ваша задача — немного продержаться...»

Экран гаснет.

Сижу. Перед глазами — пустота. В голове — пустота. Во мне — ничего. Слова капитана повисли в воздухе и не знали, куда деться. Я тоже не знала.

А потом — как будто кто-то чиркнул спичкой.

— Ха.

Ха-ха.

Хахахахаха.

Вскидываю руки к небу.

— ПРИВЕТСТВУЮ, КОЛОНИСТ! — ору. — ЗЕМЛЯ, БЛЯДЬ! КОЛОНИЗАЦИЯ! МАЯК! НЕ ПОКИДАЙТЕ ЗОНУ ПОСАДКИ!

Смеюсь. Захлёбываюсь. Потом дёргаюсь. Потом плачу. Катаюсь по траве. Синей. По пояс. По этой ебаной синей траве, которой нет на Земле.

Топаю ногами. Пинаю капсулу. Капсула молчит — она-то давно всё поняла.

Смеюсь сквозь слёзы. Кричу. Матерюсь.

— Земля?! Где?!

— Где солнце?!

— Где нормальные деревья?!

— Где, блядь, всё, что вы мне пообещали?!

Кручусь на месте. Рву траву. Скребу землю. Смотрю вверх.

— Где небо?! Где звёзды?! Где хоть что-то?!

Шаг в сторону. Падаю на колени.

Тихо.

— Это не Земля.

Тихо.

— Это не Хельга. Это не проект. Это... чёрт знает что.

Тру лицо руками. Кожу саднит. Слёзы горячие, злые, бес-толковые.

У меня нет дома. У меня нет даже планеты с солнцем.

Зато у меня есть палатка. И прокладки.

Сижу. Дышу. Жду, когда снова стану твёрдой.

Остался ещё один слот. Открываю.

Контейнер. Металлический, с зажимами. Внутри — Defender. Классический. Без вывертов. Чёрный. Пласталь. Магазин вставлен.

Беру. Рука — уверенная. Схватывает так, будто они старые знакомые и просто давно не виделись. Палец не дёргается, не лезет на спуск — ложится вдоль скобы, правильно, спокойно. Мышцы подстраиваются. Мозг молчит, а тело говорит: свой.

Это успокаивает. Прямо физически. Словно часть какой-то старой меня, которую не выдернуло из памяти. Руки помнят то, что голова потеряла.

Рядом — ракетница. Маленькая, лёгкая, с видом предмета, которому редко дают слово. Набор сигнальных патронов. Одна уже заряжена. Ещё два тубуса с маркировкой — дымовые. Оранжевый и зелёный.

Смотрю на них. Молча.

— Стрелять?

Голос звучит тихо. Не для ответа — чтобы слышать, что я ещё говорю.

Смотрю на небо. Потом на траву.

— А кому?

Пауза.

Смотрю на капсулу. На землю. На дерево вдалеке.

— Откуда я знаю, кто это увидит?

Ракетница лежит в руке и молчит. Ей всё равно — вверх, вниз, в сторону. Её дело маленькое. Решения — не её размер.

— А вдруг наоборот? А вдруг тут вообще нельзя светиться?

Медленно втягиваю воздух. Дыхание ровное. Тело проснулось. Голова догоняет.

— Ночевать здесь. Закрыть фонарь. Переночевать. Сначала — подумать.

Смотрю на дерево. Оно — единственное, что видно за этим океаном травы. Ориентир. Может быть, ответ. Может быть, вопрос.

— Но не сейчас.

Встаю. Медленно. Надо собираться.

Начинаю раскладывать по местам. Не торопясь. Проверяю вещи по одной, на ощупь. Рационы, посуда, аптечка, инструменты, одежда. Собираю аккуратно, выравниваю по габаритам. Контроль. Порядок. Просто чтобы удержать равновесие — руки делают, голова успокаивается.

VOX.

Натыкаюсь взглядом — и сердце заколотилось раньше, чем я успела подумать.

Включаю. Скан.

Шипение. Шипение. Тишина. Тишина такая плотная, что в ней можно было бы утонуть, если стоять на месте слишком долго.

Загорается надпись: «Vox-каналов не найдено».

Закрыла глаза.

Четыре слова на экране. Всего каких то четыре слова. Но внутри что-то просело — тихо, без треска, как пол в старом доме, к которому просто добавили последнюю каплю веса.

Тело дышит ровно. Слезы ушли. Слова закончились. Рядом тепло и тихо. Тишина — не мёртвая, а спокойная. Равнодушная. Ей всё равно, нашла я кого-нибудь или нет.

Отпустило. Ещё не до конца — но достаточно, чтобы снова стать собой. Хотя бы чуть-чуть.

Мысли медленные, вязкие. Бежать некуда. Звать некого.

Открываю глаза. И сразу ловлю — что-то не так.

Чуть темнее. Как будто мир стал мягче. Не в звуках — в насыщенности цвета.

Поднимаю голову. Дерево всё там же. Огромное. Спокойное. Но уже не светится так, как прежде. Свет не исчез — просто сбавился. Как будто кто-то медленно крутит регулятор на ёлке, которая выросла до неба и забыла, что она ёлка.

День уходит. А капсула — единственное, что можно сейчас назвать домом.

— Ну-ка, девочка. Встала и за работу.

Собираю всё обратно. Не торопясь. Теперь, когда голова более-менее на месте, могу позволить себе делать это спокойно. Вещи послушно укладываются в слоты, как будто тоже устали и хотят на место.

Добираюсь до гигиенического пакета. До этого не откры-

вала. Ума не приложу, как пропустила. Разрываю герметик.

Внутри — стандартный набор: ещё прокладки, щипцы, ножницы, расчёска, антисептик, влажные салфетки.

И зеркальце. Маленькое. Круглое. Складное. Лёгкое, почти игрушечное.

Ловлю его пальцами — и замираю.

Я даже не подумала. Ни разу. С самого начала. С самого пробуждения. Просто — ни на миг, ни на секунду.

Я не знаю, как я выгляжу.

Зеркальце лежит в ладони и ждёт. Терпеливо, как вещь, которая знает: рано или поздно её откроют.

Щёлк — открыла.

Глаза.

Голубые. Чёткие. Как лёд, в который попал живой огонь. И этот огонь — мой.

— Это я?.. Серьёзно?..

Молчу. Подношу ближе. Глаза ясные, цепкие, как будто уже что-то знают. Как будто внутри кто-то терпеливо выждал, пока я дойду до зеркала.

Брови тёмные, чёткие, немного приподняты. Без выщипа. Настоящие. Лоб гладкий, ни морщины. Скулы выразительные, но не агрессивные. Нос прямой, без горбинки. Даже красивый. Неидеальный. Но мой.

Губы.

— Оу.

Плотные. Мягкие. Дотрагиваюсь подушечкой пальца. Не

силикон. Свои. Немного припухли. Тепло. Гладко. Губы, с которыми не нужно договариваться — они и так знают, что делать.

Волосы. Поворачиваю зеркало, наклоняю голову. Чёрные. Глубокий тёмный графит — живой, насыщенный, с пепельным отливом. Под ним — мои голубые глаза. Контраст такой, что зеркальце на секунду показалось слишком маленьким для всего этого.

— Бля. Красиво.

Зачёсываю назад. Ложатся как под руку. Послушные. Длина чуть выше плеч. Как будто сами знают, что делать. Впрочем, тут всё знает. Кроме меня.

Меня никто не готовил к тому, что я красивая. По-настоящему. Не фальшивкой, не нарисованной. А такой, что хочется встать и сказать — это я.

Лицо не киношное — скорее эталонное. В нём что-то от старых голографических образов, что крутились в фоновых циклах. А волосы — такие, какими рисовали девушек на упаковках чего-то приятного. Может, шампуня. Может, заменителя шампуня. Не важно. Они были в мечтах, не в реальности. И вот теперь — на мне.

— Так, — шепчу, — давай-ка, красавица.

Потянулась к замку. Стянула комбинезон — до самых ступней. Он соскользнул, скрутился у лодыжек. Перешагнула.

Не знаю, что это. Импульс. Порыв. Что-то, что решило за

меня.

Шаг. Ещё один. Совершенно голая, беззащитная. Вижу свои ступни — босые, утончённые щиколотки. Поднимаю взгляд выше — ноги длинные, стройные. Наверное, я высокая.

Но сейчас — не до этого. Тело идёт. Трава касается щиколоток, потом коленей, потом выше. Стебли расступаются и смыкаются за спиной, как за лодкой.

Отошла от капсулы, туда, где трава стояла высоко. До пояса, кое-где — до груди. Ещё пару шагов.

И легла. На спину. Просто в траву.

Сухая, тёплая. Шуршит под лопатками, пружинит, касается тела, щекочет, колется — будто не знает, что со мной делать. Я тоже не знаю.

Сверху — небо. Уже не яркое, но ещё не вечернее. Свет дерева гаснет медленно, расплзается в сумрак.

Лежу. Не двигаюсь. Смотрю вверх.

Пытаюсь что-то почувствовать. Или наоборот — дать этому миру почувствовать меня. Открыться первой. Впустить в каждый уголок своей пустой оболочки. Может, он, влившись внутрь, поймёт, кто я — а потом расскажет мне. И я вспомню.

А может, я просто хочу, чтобы он заметил, что я пришла. Не требую, не стучу. Просто — открылась.

Трава молчит. Небо молчит. Дерево светится и молчит тоже. Но молчание у каждого — своё. И ни одно из них не

враждебное.

Может, примет. Может, нет. Но я уже здесь.

Опять сижу возле капсулы. Голая, комбинезон под задницей. Рядом — салфетки. Обычные, влажные, плотные, с пропиткой.

Открываю упаковку. Запах слабый, чистый. Чуть антисептика, чуть чего-то зелёного.

Достаю две. Прохладные. Приятные.

Плечи. Шея. Ключицы. Руки. Салфетка идёт по коже медленно, и тело за ней просыпается — как земля после первого дождя.

Живот. Рёбра. Всё ровное. Тело стройное, без излишеств — как будто знало, каким быть, и стало.

Прикрыла глаза от удовольствия. Прохладный воздух на влажной коже — почти нежность.

Грудь.

Открываю глаза. Смотрю вниз.

— Ну давайте, удивите меня.

Пауза.

— Ты серьёзно?

Холмики. Песчаные дюны в миниатюре. Версия «лайт». Даже не ноль — скорее, деликатный намёк на то, что тут что-то планировалось.

И внутри — странное. Не разочарование. Глубже. Как будто что-то во мне ждало другого. Что-то, что знает: грудь — это не форма, а смысл. Тепло, которое должно быть. Тя-

жесть, которая означает — я могу. Руки, в которые кто-то маленький когда-нибудь уткнётся.

А тут — намёк. Обещание без продолжения.

Как будто где-то на фабрике тела сказали: «В бюджете осталась одна ложка жира. Куда?» — «Давай на губы. А грудь пусть сама разберётся».

Я женщина. Биологически. Формально. Но в лифчиках смысла нет. Разве что носить как жест доброй воли.

И что самое обидное — мне вроде как даже нравится.

Пусть холмики. Пусть недо-дюны. Но вершины у этих дюн — ого-го. Как будто организм после всех бюджетных урезаний вдруг вспомнил, что на складе остались премиальные соски. И решил не мелочиться. Аккуратные, но выразительные. Чуть приподняты. Чуть гордые. Как будто говорят: да, тарталетки у нас скромные. Зато вишенки — спелые и сочные.

И вот в этот момент я понимаю — да. Мне нравится. Даже больше, чем просто «нравится».

— Это я.

Зеркало в сторону. Сеанс окончен.

Выбрасываю салфетки в гнездо из травы. Тёмные от пыли, пота и неизвестно чего ещё. Но теперь я чистая. Тело дышит вместе со мной. Воздух свежее. Ветер лёгкий, едва шевелит волосы. И я чувствую, что я — есть.

— Ладно, красавица. Где-то там в прошлом у тебя была причина быть такой. Надо бы её найти.

Капсула ждёт. Открытая, тёплая, как нора, которая уже привыкла к своему зверю.

Наклоняюсь, подбираю комбинезон — затягиваю обратно на плечи. Молния поднимается с привычным щелчком. Материал облегает тело, как вторая кожа. Уже не раздражает. Уже — моё.

Забираюсь внутрь. Осторожно. Знакомо.

Шлем лежит рядом. Кладу на колени. Смотрю. Чёрный, герметичный, с тонким прозрачным забралом. Внутри — сенсоры, фильтр, прокладка. Надеваю. Плавно, без суеты.

Система включается — мягкий гудок, индикатор слева. Опускаю светофильтр. Всё заливается синим оттенком.

Снаружи ещё светло — но свет уходит, медленно, как вода из раковины. Не ночь. Скорее — мир ещё не решил, сколько темноты оставить.

Ложусь. Голова на опоре. Тело расслаблено. Капсула принимает меня обратно — молча, без вопросов, как будто знает: мне сейчас нужна не беседа, а стены.

Глаза закрываются. Мысли — ещё идут.

— Что это было... Где я... Почему ничего не помню... Кто я вообще такая...

Ответов нет. Но есть факт. Я здесь. Я жива. Я — есть. И я красивая. Этого достаточно, чтобы встретить следующий день.

Ворочаюсь. Чертовски неудобно это делать в узком ложементе — он проектировался для посадки, не для сна, и это

чувствуется. Шлем на голове, фильтр опущен. Свет мягкий, голубой. Капсула держит температуру, как скорлупа.

Дышу спокойно. Медленно. Глаза закрыты. Вроде бы — всё. Можно спать.

Но что-то внутри не отпускает. Не тревога. Не страх. Скорее — настороженность. Мысли пытаются угаснуть, но не гаснут.

Проваливаюсь — мгновение — и тут же просыпаюсь. Тепло спокойно. Но внутри что-то слушает. Как будто где-то во мне бдит мой собственный часовой, который не собирается спать и всё время тормозит изнутри.

Капсула молчит звукоизоляцией. Но я всё равно прислушиваюсь — к любому намёку на звук. Будто сквозь стенки можно уловить, как трава шевелится. Или как вдалеке хрустит шаг под ногами чего-то чужого.

Может, воображение. Может — нет. Но меня не отпускает.

И я продолжаю слушать. Вынуждена слушать...

...Дом.

Большой. Светлый. С колоннами, верандой, высоким фасадом.

Лужайка перед ним зелёная, аккуратная, будто её каждое утро причёсывают.

Воздух тёплый, пахнет травой и пылью.

Сбоку — деревянный загон и конюшня. Простая, с откры-

тыми створками. За забором — лошади. Пасутся, фыркают, шевелят хвостами.

Где-то скрипит калитка, кто-то проходит с ведром. Слуги. Никто не обращает внимания.

Она здесь — как рыба в воде.

Она маленькая. Это чувствуется по тому, как легко бегут ноги, по высоте взгляда, по тому, как кажется большим всё вокруг.

Колени голые, платье светлое, короткое. Волосы по плечи. Всё большое, всё родное и незнакомое одновременно.

Дверь тяжёлая. Но поддаётся. Она толкает её всем телом.

Вбегает внутрь. Светлее, чем снаружи. Пахнет выпечкой, фруктами, тёплым деревом. На кухне кто-то возится у плиты, но она даже не смотрит.

На столе — фрукты. Груша, персики, виноград.

И яблоко. Большое, блестящее, красное.

Тянет руку, хватает — холодное, гладкое, тяжёлое. В ладони не помещается. Подхватывает другой рукой. Двумя руками тянет ко рту, пытается укусить —

И сзади — голос.

Простой. Спокойный. Но что-то в ней сразу отзывается. Словно он жил в ней всегда. Словно она знала его раньше, чем научилась говорить.

— Алиса. Алиса, ну-ка давай руки мыть...

... Просыпаюсь. Без рывка. Глаза открыты. Всё то же —

свет, фильтр, капсула. Но что-то изменилось. Что-то из глубины всплыло на поверхность.

Губы шевелятся сами.

— Алиса...

Слово звучит непривычно и родно одновременно. Я не вспоминаю — я знаю.

Я — Алиса.

Тянусь к шлему. Светофильтр уходит вверх.

Через стекло фонаря в капсулу проникает свет — еле заметный, тёплый. Ещё не утро, но уже не ночь. Воздух за стеклом как будто набирает плотность, готовится к чему-то.

Там, в глубине, в той стороне, где заканчивается взгляд — начинает проявляться древо. Не сразу. Сначала — просто яркость, как будто воздух уплотняется светом. Потом — очертания. Ветви. Словно кто-то медленно выпускает его наружу, как дыхание, которое долго держали в груди.

Оно не двигается. Но оно появляется. Медленно, спокойно, с достоинством того, кто знает, что его подождут.

И вдруг — выше. В стороне.

В небе висит кольцо.

Не ровное — слегка вытянутое, неидеальное. Через него проходит тонкая, почти незаметная линия, как игла, пронзившая небо.

Оно не сияет. Но вокруг него всё становится тише. Будто звук, воздух, даже мысли сгущаются, чтобы не потревожить. Как будто у неба есть место, которого лучше не касаться —

и вот оно.

Тянусь к панели. Нажимаю.

Створки фонаря с лёгким шипением расходятся в стороны и уезжают назад.

В уши врывается звук. Будто кто-то вытащил пробку из плотной тишины. Мир наполняется разом: стрекот, шорох травы, далёкие щелчки — всё это как фон, как дыхание поверхности, которая проснулась раньше меня.

Не двигаюсь. Смотрю на кольцо. Оцепенение — тёплое, не пугающее. Как будто что-то внутри замирает, чтобы не спугнуть взглядом.

Губы сами шепчут:

— Это не звезда...

Пауза.

— Не планета...

Смотрю.

— Что это?..

Внезапно — красная полоса рассекает небо. Рвёт сумерки, оставляя за собой шлейф. Мгновение — вспышка. Ракета распадается на десятки искр.

А следом — зелёная.

Они висят одна над другой. Как следы. Как чьи-то следы, оставленные прямо в небе.

Стоит здание. Незаметное, тихое. Не стремится привлечь внимание, не зовёт, не выделяется. Но если остановиться рядом, если дать себе паузу — оно начинает рассказывать. Не словами. Просто присутствием.

Обшивка сбоку старая, с маркировкой, которую выцвели годы. На углах — деревянные накладки, словно снятые с другого строения, из другого времени. Швы — каждый своего цвета, будто делали их разные руки и в разные годы. Петли — не из одного комплекта, словно собраны из разных замыслов, но ни один из них не спорит с другим. Всё вместе — дом, собранный из частей, принесённых из разных миров. В каждом строили по-своему. Но всегда — руками.

Сложили его не по чертежу, а по памяти. Или по ощущению. Будто кто-то просто знал, что это должно быть — и делал. Без схем, без расчёта, без вопросов.

Крыша накренилась — но её подпёрли. Не бросили. Где-то металл стал гладким от частых прикосновений — он помнил руки, даже если руки не помнили его. Где-то трещину затёрли глиной. Симметрии нет. Совершенства нет. Но в этом — что-то живое. След того, что прошло через смену времён, через циклы и распады — и всё же собралось здесь, в одном месте. Не потому что должно было. А потому что кто-то не дал ему исчезнуть.

Каждая доска, каждый болт — будто шепчет:

Меня не просили быть. Мне позволили.

Поначалу его даже не строили — просто собрали, чтобы было где остановиться. Первой была семья латиносов. Говорят, у них вера хранилась не в словах, а в жестах. В делах. В тишине, которая передаёт смысл без объяснений. Потом присоединились Раши. Не спорили, не обсуждали. Делали рядом, так же молча. У каждого — своё. Но вместе.

Сейчас к тем, кто начинал, присоединились их дети. Они не закладывали основание, не выбирали форму. Просто остались. Заботятся. Прибираются внутри. Обновляют рисунки, если те поблекли. Иногда добавляют новые. Не потому что нужно — а потому что руки сами тянутся. Без вопросов. Без слов.

На стенах — изображения. Некоторые чёткие, будто нарисованы по памяти, которая не хотела отпускать. Другие — наивные, грубые, детской рукой. В каждом — лицо. Неизвестное, но важное. Глаза сами ищут его в пятнах цвета.

В углу — глиняная фигура. Слепленная просто, почти небрежно. Похожа на женщину. Или на мать. Или на кого-то, чьё имя никто не помнит, но чьё присутствие всё ещё нужно. Лицо почти без черт, складки сбиты. Но в ней есть что-то, от чего ноги останавливаются сами.

Их мало — тех, кто приходит и остаётся. Не заглянуть — а остаться и что-то подправить. Пересчитать по пальцам. Но они есть.

Никаких табличек. Никаких указателей. Кто-то проходит мимо, не замечая. Кто-то бросает взгляд. Единицы заходят внутрь.

Но здание стоит.

Потому что его построили.

И потому что ему дают быть.

И этого — достаточно.

ooo

Вышла из модуля — и воздух встретил как пощёчина. Не грубо, но откровенно.

Внутри влажность держится стабильно, температура ровная. А тут — сушь, будто воздух выжали и забыли вернуть ему остаток. Кожа почувствовала перемену мгновенно — холодом, сухим и липким, как после укола. Щёки стянуло. Глаза начали чесаться. Даже в носу — будто песок поселился и обживаетеся.

Просто стою. Не из-за усталости — скорее из привычки. Ноги ещё идут, а внутри — я уже остановилась. Может, чтобы дать себе мгновение тишины. Может, чтобы убедиться, что всё ещё на месте.

А мысли уже идут. Без разрешения, без стука, как пациенты, которые не записывались.

Ресурс. Гели. Расход. Кому — сегодня. Кому — уже не надо. Кого вытянем. Кого просто поддержим до конца. Кого потеряем — и как сказать об этом.

В медкоме всё пока держится. «Пока» — слово, которое с каждым месяцем тяжелеет. Аппаратура стареет. Что-то тянем вручную, остальное — на грани. Принтеры выдают искажения. Материалы почти на исходе. Порой проще собрать руками, чем потом разбирать обломки напечатанного. Да и руки устают. Но пока есть. Пока движутся. Пока слушаются.

Гели давно по норме. Не как раньше — сколько нужно, столько и идёт. Теперь — по каплям. Каждая ампула стала золотом, которое не блестит, а молчит и ждёт, кому достанется. И скоро даже норма станет роскошью. Будем решать не по случаю, а по шансу. Не потому что хочется — потому что больше нельзя иначе.

С обезболами — та же история. Раньше я думала — чем помочь, в какой дозировке, с каким эффектом. Сейчас вопрос другой: смогу ли вообще. Иногда глаза сами ищут старые записи — как делали, кого вытягивали. Но всё не так. И всё не те. Слишком много пустых строк в реестре. Каждая — чьё-то имя, которое больше не нужно записывать.

Когда Шёпот Листвы была рядом, многое решалось иначе. Нам не нужно было договариваться — всё происходило само. Она приходила и делала. Без лишних слов. Не гналась за схемой. Просто чувствовала. Знала, куда встать. Знала, что сказать. Иногда молчала — и этого было достаточно.

Иногда казалось — человек вот-вот уйдёт. Без реакции, на капле дыхания. А утром — он уже просит воды. Не всегда. Но с ней это случалось чаще, чем позволяла статистика. И

мне легче было не только работать — но и просто дышать.

Сейчас её нет. И всё на мне. Тяну, как умею. Но иногда ловлю себя на том, что жду её шагов. До сих пор. Надеюсь на шорох одежды. На взгляд через плечо. Но его нет. И тишина на том месте, где он был, — самая тяжёлая тишина в медкоме.

Пошла вдоль периметра. Пыль висела в воздухе, как паутина, которую некому снять. Мысли прыгали, перескакивали, крутились, как заевшая карусель. Некоторые — старые. Некоторые — как будто не мои. Как будто кто-то внутри — чужой и уставший — крутит этот барабан, а я просто смотрю.

Свернула по короткой — к себе. Мне по статусу полагается. Живу отдельно. Да и не хотелось больше ночевать в медкоме. Слишком много тишины. Не той. Тишина медкома стала звенящей. Она не лечит — она смотрит. Как пустой коридор после эвакуации.

Гена обычно заходил сам. Без предупреждений. Без слов. Просто появлялся — как будто всегда был здесь. Не нужно было даже поднимать глаза — он уже стоял у двери. Или в углу. Или просто дышал рядом. Иногда не приходил — и это тоже было формой присутствия. Он знал, когда лучше не приходить.

Сейчас его нет. Неделю. Может, чуть больше.

Ладно. Если что — зайду сама. Не в гордости дело. Он мог быть занят. Совещания, Тинг, кулаки, шарды. Проблем хватает.

А может — просто я стала другой. А он — тот же.

Волосы теперь короткие. Каре — проще. Не заплетаются в косу. Суше, быстрее. Никаких замков на шее, как раньше.

А раньше были длинные. Русые, тяжёлые. Он шутил тогда:

— Варвара, краса, длинная коса.

Я спрашивала:

— Ты сам придумал?

— Нет, народное. Из тех времён, когда динозавры ещё вылуплялись яйцами, а мамонты были лысыми.

Тогда я смеялась. Теперь просто вспоминаю. Иногда слова возвращаются сами — как реплики из фильма, где играла не я.

Сейчас лоб с двумя линиями. Височные пряди с проседью. Форма сидит иначе. Спина держится, но не всегда хочет. Кожа тоньше. Взгляд — глубже, но медленнее.

Я не страдаю от этого. Просто фиксирую. Женщина остаётся женщиной. Даже если в этом никто не признаётся. Даже если я не говорю. А иногда — именно потому, что молчу.

Узкая дорожка уводила от плато, между валунов, вдоль среза скалы. Под ногами — тяжёлая пыль, сухой песок, скрипящий, как зубы в ночной смене. Всё оседало на ботинки. Ветер слабый, но настойчивый — из тех, что не толкают, а просто не уходят.

За поворотом дорога сдвинулась вбок — и пейзаж раскрылся. Поселение внизу — теплицы, бунгало, ветряки, за-

гоны. А дальше — небольшое кладбище.

Ровный склон. Каменные метки. Ничего формального. Всё — руками. Здесь прощались и молчали по-честному. Молчать тоже можно по-разному.

Некоторых из них я знала изнутри — буквально. Знала, как звучит их кровь в сканере, как реагирует ткань, как бьётся сердце под моими пальцами. Знала их тела лучше, чем они сами. А теперь — камни. Ровные, молчаливые, одинаково терпеливые. Им всё равно, кто был под ними — пилот, инженер, ребёнок. Камням не нужны имена. Но я их помню. Каждое. Они давно живут во мне, аккуратно расставленные, как карточки в реестре, который я никогда не закрою.

И рядом с ним — здание. Не склад. Не капсула. Что-то, не входящее в планировку. Что-то, что не считается нужным — но не мешает.

Невысокое, чуть скошенное. Ставни несимметричные. На крыше — два типа покрытия. Прищурилась.

Кто-то делал это сам. Не по задаче. Не по приказу. Просто делал. Не для галочки, не на показ. А чтобы оно — было.

Я не знаю, зачем. Но знаю, что это не случайно. Почти всё настоящее — никогда не случайно.

Задержала взгляд.

Люди иногда делают то, что не вписывается. Не в систему, не в рациональность. Тратят время, силы, остатки себя. Не

за выгоду. Не за благодарность. Просто — потому что.

И, может быть, этого достаточно.

Я это знаю. Но не понимаю. Меня учили разбираться в крови, в тканях, в прогнозах. А в этом — нет.

Стою. Смотрю вниз. На кладбище. И на здание, которое никто не просил быть. Но которому кто-то позволил.

Сначала она увидела не дом, а куст сиропника. Местная амброзия.

Широкий, с синими листьями и алыми цветами — как будто притворялся кустом, а на самом деле ждал. Давно и терпеливо. В просвете между ветвями показался угол веранды. Потом — кресло.

Он сидел в нём.

Сначала решила — ошиблась. Просто фигура. Просто спина. В тени. В тишине.

Сердце сбилось на полшага. Не резко. Не тревожно. Просто — заметно. Как будто оно узнало раньше, чем я.

Остановилась. Неосознанно. Шаг замер.

Он сидел в плетёном кресле, откинувшись, как будто наконец отпустил спину. Руки на подлокотниках. Голова слегка наклонена, будто в полудрёме. Никакого напряжения. Но и никакой слабости. Кресло держало его так, будто гордилось.

Он выглядел хорошо. Даже сейчас. Даже вот так — просто сидя.

Я смотрела на него так, как давно не смотрела. Не как врач — не оценивая, не считывая симптомы. Просто — как женщина, которая вдруг вспомнила, что умеет смотреть.

В медкоме я разучилась. Там каждый взгляд — диагноз. Каждое лицо — карта. Цвет кожи, глубина морщин, частота дыхания — всё считывается автоматически, без спроса. Профессия съела во мне что-то, что когда-то просто любилось.

А сейчас — смотрю. И не считаю. Не измеряю. Просто вижу мужчину, который сидит в кресле у моего дома. И от этого — щемит. Глупо, по-девчачьи, как будто мне не сорок с лишним, а те самые двадцать, когда мы только сели на эту землю.

Русые волосы, коротко подстриженные, с седой полосой у виска. Лоб с морщинами — но не уставший. Просто прожитый. Шея крепкая. Плечи широкие. Фигура — та же, что и раньше. Тело не обвисло, не сломалось. Держалось. Монолит.

Гена был таким всегда. Даже когда молчал, даже когда спорил. Он был основой. Из тех, на которые опираются стены, не спрашивая разрешения.

Сейчас — просто сидел. Не командовал. Не вмешивался. Просто сидел у моего дома.

Я почувствовала, как к горлу подступает что-то непрошенное.

Что с тобой, Варя?

Всё же было понятно. Встречи, разговоры, физиология — всё по делу. По-взрослому. По-равному. Без романтики. Без намёков. Без игры.

А сейчас — почему это? Почему щемит, почему хочется подойти тише? Почему в нём вдруг появилось что-то своё? Или оно всегда было — а я просто перестала смотреть?

Смотрела — и чувствовала, как поднимается старое. Не боль. Не сожаление. Разница.

Он почти не изменился. Я — да.

Вспомнила, как шла. Как думала о себе. О волосах. О шутке. О возрасте.

Он — восходящий. Стареет по-другому. Живёт дольше. Держит форму. А я — просто человек. Просто Варя. И всё, что между нами было — может, уже не такое равное, как казалось.

Стояла, не двигаясь. Просто смотрела. Чтобы дать себе время почувствовать это. И не отвернуться.

Шагнула к двери. Поднялась по ступенькам, толкнула створку. Задержалась на пороге. Оставила дверь открытой. Дверь поняла.

Внутри дома. Внутри тишины. Внутри того, что давно поднималось, но не имело разрешения подняться.

И там — за порогом, за стенами, за всем, что держало форму — вся дрожа, подумала: вот так со мной всегда. Тут, внутри — трепещу. А снаружи — только колкость слов. Надеюсь, что хоть жесты меня выдают...

... У них это всегда случалось без слов.

Просто в какой-то момент они оказывались рядом. Слишком рядом. Потом — кожа. Её запах. Потом — дыхание. Потом — всё.

Им не нужны были слова...

Было светло. Не ярко — так, как бывает, когда всё уже случилось.

Простыня сползла к ногам — единственная свидетельница, которую никто не звал. Они лежали близко. Её нога под его бедром. Его рука на её спине.

Где-то под потолком крутился вентилятор. Ему было всё равно.

Комната пахла ими обоими. Тёплая, густая смесь — кожа, пот, дыхание, и что-то ещё, чему нет названия, но что появляется только когда двое перестают быть двумя.

Тишина после близости — странная вещь. Не пустая. Не звенящая. Не та, что в медкоме, от которой хочется бежать. Эта — мягкая, насыщенная, будто воздух загустел от всего, что только что произошло, и теперь медленно оседает, как пыль после бури. В ней можно лежать. В ней можно молчать. В ней — не одиноко.

Стены молчали. Потолок молчал. Даже вентилятор, кажется, стал крутиться тише — из деликатности, а не из поломки.

Варя спала на животе, лицом вбок. Дышала ровно. Одна ладонь под щекой.

Он не спал. Смотрел. Провёл пальцами по её волосам. Короткие.

Она шевельнулась. Подтянула плечо, завернулась. Открыла глаза.

Ничего не сказала. Просто смотрела.

Он чуть повернул голову. Сказал спокойно, почти шёпотом:

— Проснулась? Тогда слушай. Только — не перебивай.

Она чуть кивнула. Или, может, просто не отвернулась.

— Я хочу, чтоб ты стала Восходящей. У меня есть гвоздь. Мой личный. Это не имущество колонии. Рикс Народа Леса дал мне его ещё тогда, двадцать лет назад. Ты же помнишь, что Шёпот Листвы — его дочь. И мы с Егором вытащили её из плена изгоев. Он тогда дал мне его для того, чтобы убедиться, что её дети станут Восходящими. Но Лис заслужил это звание по праву, и мы потратили на его Восхождение гвоздь Ковчеха. А этот — мой. До сих пор у меня.

Гена замолчал. В воздухе повисла пауза. Она была тяжелее всего, что он сказал.

Варя тоже молчала.

Потом слегка привстал — так, чтобы видеть его лицо. Заглянула в глаза и спокойно спросила:

— Гена. Мне кажется, что это чуть-чуть больше, чем просто гвоздь. Даже если это гвоздь Восходящего. Или мне ка-

жется?

Гена привстал над ней, опираясь на локоть. Ладони обхватили её лицо — осторожно, как будто держал воду, не желая расплескать.

Поцеловал в кончик носа. Потом — в уголок губ.

Двигался ниже. Губы касались подбородка, шеи, ямочки у ключицы.

Когда дошёл до её сосков, она тихо выдохнула, не открывая глаз.

Задержался. Пальцы — его пальцы...

Она поддалась к нему всем телом, когда почувствовала прикосновение — нежное, на коже между бёдер.

Потом снова были скомканные простыни. И вентилятор под потолком, гонящий прохладу. Он работал честнее всех в этой комнате.

Она едва касалась его кожи, пытаясь остудить разгорячённые тела. Прильнула, провела пальцами по ключице, поднялась выше — и, не удержавшись, прикусила мочку уха.

— Хорошо, — прошептала. — Я согласна. Но только если в комплекте к первому я стану безраздельной обладательницей второго. Того, который побольше.

Гена хмыкнул.

— Знал я, что вы, пластырные королевы, народ своеобразный. Взяла — и мимоходом все мои чувства конвертировала в бытовые инструменты.

— Гена — пневмомолоток.

Гена усмехнулся. Варя прыснула, не сдерживаясь.

Он наклонился ближе, губы почти касались щеки.

— Обладательницей, значит? — прошептал, прижимаясь лбом к её виску. — Тогда держи покрепче.

Дон Тизон — официально Рауль Эстебан Рейес, в узком кругу известный как Брови — медленно ходил по модулю, куря одну за другой сигареты из собственных запасов. Помещение пропиталось табаком так глубоко, что запах давно стал частью интерьера — осел на панелях, впитался в потолок, прописался на постоянной основе. Вентиляция делала вид, что справляется. Посторонний посетитель с ней бы не согласился, но посторонние посетители здесь долго не задерживались.

Модуль стандартный — из тех, что собирали из готовых секций сразу после высадки. Металл, композит, пустые стены. Но даже эту коробку Брови сумел пометить своим. В углу висела гравюра женского образа, отпечатанная на принтере и вставленная в грубую рамку — единственная женщина в этом помещении, которая никогда не возражала. На полке стоял вырезанный из местного дерева бык — угловатый, тяжёлый, с обломанным рогом. Бык молчал и смотрел в стену с терпением, достойным лучшего применения.

Но главным экспонатом был череп найт-волка над столом — крупный, с шестью пустыми глазницами, каждая из которых смотрела в свою сторону и ни одна — доброжелательно. Брови подумывал сменить его на череп альфа-таурега, но okazji не выпадало. Череп ждал. Он никуда не торопился.

Показной роскоши не было — Дон Тизон был практичным человеком. А ещё он умел артистично двигать бровями. Нестриженные, чёрные, густые — они жили своей жизнью, как два независимых существа, поселившихся на его лице по собственной воле. Зрелище почти всегда вызывало улыбку у посторонних. Именно улыбку — одну. Потому что следующей уже не суждено было случиться: первая не уступала места, застывая в холодной гримасе.

Его уверенность не была бравадой. Он двигался спокойно, размеренно. Как человек, который не торопится, потому что всё уже под контролем.

Рауль Эстебан Рейес родился в бедной семье, в самом сердце Коммуны 13. Младший в большой семье, где старшие давно вплелись в местный криминал — иначе в тех кварталах не выживали. Там не выбирали между добром и злом. Выбирали между тем, кто на вершине, и тем, кто под плитой. Преступность не была отклонением — она была воздухом. Впитывалась с детства, как речь, как походка, как взгляд.

Когда начал взрослеть, варианты обозначились чётко: сесть надолго или закончить на улице с простреленной грудью. Рауль выбрал третий. Не потому что испугался — потому что умел считать ходы. Природный ум, холодный, без лишних жестов — вот его оружие. Он не пытался вырваться из среды. Он решил подняться в ней иначе. Не кулаком — головой. Там, где другие давили силой, он строил вдолгую.

Сначала его заметили мелкие уличные боссы. Потом —

те, кто стоял выше. Он не подавлял — убеждал. Слушал. Акцентировал. В какой-то момент предложил конкретное: вложиться в него как в политика. Вырастить, обучить, выдвинуть. А потом — он будет представлять интересы. Не на словах. Делом. Ему дали зелёный свет.

Учился не для галочки — вникал. Управление, социология, моделирование власти. Оценки высокие, дисциплина жёсткая. Не подвёл.

Но улица редко даёт достроить до конца. Начался конфликт — серьёзный, между покровителями и другими силами. Рауль понял: втянут. А это уже не игра. На бумаге он был чист — детские эпизоды в прошлом, ни тяжёлых статей, ни судимостей. Досье выглядело идеально. Специализация — управление в замкнутых структурах. Этого хватило. Так он оказался на борту Ковчега.

На момент событий он был вторым человеком в колонии ShardNest. Название переводилось с языка Утопии как «Гнездо Осколков». Возможно, потому что сама колония собиралась из тех, кого выбросила Хельга — случайных, потерянных, раскиданных. А может — потому что никакая сила, даже в таком месте, не могла по-настоящему соединить этих людей. Осколки оставались осколками. Каждый — со своим острым краем, со своей болью, со своей целью. И всегда — с человеческим эго, которое, стоило его разбудить, становилось выше любой идеи общего выживания.

Формально Шард считался единой колонией. По факту — два центра силы. Всё свелось к нациям, привычным связям, культурному коду. Латиноамериканскую часть возглавлял Тизон. Азиатскую — человек по имени Ноль.

О прошлом Ноля ходили слухи. Кто-то говорил — разведка Утопии. Кто-то — теневые структуры, устранение неудобных, перекройка власти из тени. Были и те, кто утверждал, что его руки по локоть в крови — не только по приказу, но и по велению чего-то, что сердцем лучше не называть. Что из этого правда, а что просто страх — сказать сложно. Страх и правда в таких местах давно перестали различаться.

Противостояние началось задолго до прихода Тизона. Первые циклы сопровождались прямыми стычками. После затяжного перетягивания было заключено соглашение: власть передаётся по очереди. Один цикл — одни, следующий — другие. Всё зафиксировано письменно. Фракция, получающая власть, выплачивает компенсацию уступающей стороне.

Сейчас у власти находился Ноль. Его назначение утвердили на Тинге, и чтобы не было конфликта, азиатская сторона перевела латиноамериканцам компенсацию. Не на словах — в твёрдом эквиваленте: солянка, всего по немногу. Звёздные монеты, гвозди Восходящих, несколько рун серебра и бронзы. Размеры обговаривались непосредственно перед Тингом — в зависимости от тучности цикла: количества подобранных капсул, заданий наблюдателя, общей обстанов-

ки. Так сохранялся порядок — формальный, удобный. И пока обе стороны соблюдали правила, сохранялся шаткий мир. Шаткий — потому что правила соблюдали не из уважения, а из расчёта.

Раздался короткий, почти безэмоциональный сигнал интеркома. Брови даже не поднял головы. Пальцы привычно нащупали кнопку под столом. Створки разошлись с характерным шипением — будто модуль вздохнул и впустил.

В помещение вошёл человек.

Невысокий, щуплый, будто подсушенный временем и страхами. Шаг осторожный, взгляд отрывистый, почти испуганный. И сразу — реакция.

Турель, вмонтированная в потолок, ожила. Тихий механический вздох, поворот модулей — и два коротких ствола с лёгким жужжанием навелись прямо на него. Красный глаз мигнул злобно, как будто спрашивал: «Тебе сюда точно надо, кролик?»

Референт Дона Тизона по кличке Скребло рефлекторно втянул голову в плечи — будто пытался нырнуть внутрь собственного позвоночника. Не в первый раз. Не в сотый. Он знал эту турель. Слишком хорошо.

Однажды — он до сих пор не мог забыть — она сработала не на предупреждение, а на отсечение. Какой-то посетитель опоздал на встречу, да ещё, по достоверным слухам, не оказал достаточной почтительности бровям Дона Тизона.

Турель не стала вникать. Щелчок, трёхдольный выстрел — и человека не стало. Только окровавленные ботинки остались стоять у порога, как два символа неудачного визита. Всё остальное она превратила в фарш — ловко, без лишнего шума, как мясной чоппер в старой лавке: вжик — и готово. Потом ещё пару часов оттирали стены. Краска до сих пор казалась с лёгким розоватым оттенком — во всяком случае, Скреблу именно так виделось. Краска не спорила.

С тех пор каждый визит сюда сопровождался внутренней мантрой: не кашляй, не чихай, не шевелись — и, может быть, доживёшь до ужина.

Он сглотнул, не поднимая взгляда, и направился к столу. Дальше — разговор, приказ, выход Скребло, появление Ломо.

Брови всё так же не поднял головы.

Скребло чуть переминался на месте, потирая ладони. Ладони были влажные. Они всегда были влажные в этом кабинете.

— С аванпостов пришла отметка, дон, — начал он, стараясь не заикаться. — Аварийный выброс. Хельга. Подтверждено — четыре капсулы. Возможно, пятая... но та пока не точна.

Брови задвигались.

Дон Тизон не ответил. Медленно затянулся, выпустил кольцо дыма в потолок. Кольцо поплыло вверх — ровное, са-

модовольное, как будто знало что-то, чего не знал Скребло. Скребло среагировал лёгким наклоном головы — привычка, будто ловит одобрение, которого никогда не бывает.

— Где? — глухо пробормотал Тизон, не глядя.

— Далеко. Если на тауро — почти два дня пути. Если на хOVERбайках — меньше суток.

Брови затянулся снова. Медленно. Дым шёл вбок, щеко-тал ему щёку. Он смотрел сквозь дым, как сквозь стекло.

— Четыре... пять, говоришь, — повторил тихо.

Пауза. Стук пепла о край пепельницы. Пепельница при-няла молча — она давно привыкла к паузам дона Тизона.

— Одно Копьё, — наконец сказал Брови. — Усиленное. Шестеро. Трое на хOVERах вперёд. Остальные — на таурах. Пусть свободных тауров возьмут. Один дрон-разведчик для поддержки VOX-канала. Без лишнего шума.

Докуривал почти до фильтра. Сигарета отдавала послед-нее без жалоб. Потом выдал:

— Если тауреги уже на локации — мы ничего сделать не сможем. Пусть на рожон не лезут. Осмотрятся аккуратнень-ко — и сразу назад, в Шард. Если таурегов нет — ищут, под-бирают кого найдут. Имущество — всё ценное. Если будет тихо и хабара не влезет — пусть сообщат, вышлем грузчиков навстречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.